

МАНИПУЛЯЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ДИСКУРСЕ

И. А. Дьяченко

MANIPULATIVE TECHNOLOGY OF USING POLITICALLY CORRECT WORDS IN DISCOURSE

I. A. Dyachenko

В статье разрабатывается положение о том, что использование политически корректных слов и словосочетаний в дискурсе имеет технологическую природу. Основная цель – описать технологические закономерности манипуляционного использования политически корректной лексики в политическом дискурсе. Рассматриваются такие понятия как «коммуникативная технология», «технологичность дискурса», уточняется содержание понятия «манипуляционная технология». На примере анализируемого фрагмента политического дискурса Дж. Буша мл. автор демонстрирует ряд последовательных действий, которые осуществляет политик с целью манипуляции сознанием.

В качестве методологической основы анализа послужили теоретические воззрения А. М. Каплуненко на природу манипуляции. Основные методы исследования: интерпретативный метод, метод дефиниционного анализа, метод прагматического анализа, методы логико-риторического и семантического анализов.

Материалы и результаты могут найти применение, как в области научных разработок, так и в области образовательной деятельности: в курсах по теории коммуникации, интерпретации текста, дискурсивного анализа, межкультурной коммуникации, в практике преподавания английского языка.

The paper claims the idea that the use of politically correct words and phrases in discourse has a technological nature. The purpose of the paper is to describe technological regularities of manipulative use of politically correct words in discourse. The definitions of communicative technology, technologization of discourse are considered; the content of the notion «manipulative technology» in linguistics is specified. The detailed analysis of political discourse of G. W. Bush Jr. reveals a series of successive communicative actions taken by the politician to manipulate human consciousness.

The methodological principles of the analysis are A. M. Kaplunenko's theoretical views on the technological nature of manipulation. The following linguistic methods are used: interpretative method, the method of definition analysis, the method of pragmatological analysis, the methods of logical-rhetoric and semantic analyses.

The results and materials of the study can be used in the sphere of scientific research and education: in developing and teaching the courses in intercultural communication, the theory of communication, text interpretation and discourse analysis.

Ключевые слова: политически корректная лексика, манипуляционная технология, дискурс различий, дискурс согласования, дефиниция, номинация, множественная интерпретанта.

Keywords: politically correct vocabulary, manipulative technology, discourse of differences, discourse of agreement, definition, nomination, multiple interpretant.

Политическая корректность является объектом различных областей научного знания – философии, социологии, культурологи и лингвистики. В рамках лингвистических работ исследуются собственно языковые аспекты этого феномена. При этом нередко выдвигается идея о возможности использования политически корректных слов и словосочетаний в качестве языковых средств манипуляции сознанием [3; 8].

В настоящей статье мы намерены продемонстрировать технологические закономерности манипуляционного использования политически корректной лексики на примере фрагмента политического дискурса.

Начнем с уточнения того, что представляет собой технология манипуляции в лингвистике. Так, например, Г. Г. Почепцов подчеркивает, что коммуникативная технология представляет собой не случайный, а системный процесс, направленный на безусловное воздействие на аудиторию. По мнению автора, целью коммуникативных технологий является управление

коммуникативными процессами, стимулирование и активизация необходимого поведения со стороны адресата. Путем внесения изменений в процесс коммуникации, задавая нужную форму и содержание коммуникации, коммуникатор добивается нужных ему изменений в поведении адресата, переводит его на новый/иной тип поведения (например, на цели, выгодные не ему, а коммуникатору) [6, с. 38 – 41]. Использование технологий дает большую вероятность в достижении требуемого результата. При этом отмечается, что коммуникатор, осуществляя свою коммуникативную технологию, идет по заранее проверенному и спланированному пути [6, с. 40]. Таким образом, технология позволяет реализовать основную задачу, стоящую перед манипулятором, – оказать максимально эффективное воздействие на манипулируемого. Технологией пользуется субъект дискурса, создающий целенаправленное, спланированное сообщение,

используя инструменты речевой манипуляции – определенные языковые средства [4, с. 109].

Некоторые лингвисты рассматривают технологичность как общее свойство дискурса. В частности, С. Н. Плотникова указывает на технологичность политического дискурса. Технологичность, по мнению С. Н. Плотниковой, предполагает кодификацию дискурса, состоящую в отборе необходимых типов дискурса на научных основаниях, в том числе и лингвистических, осознанное закрепление в памяти принципов порождения технологически необходимого дискурса и автоматическое пользование им в зависимости от обстоятельств [5, с. 97].

В свете вышеизложенных фактов и относительно манипуляций в лингвистике технологию манипуляции можно определить следующим образом: технология манипуляции – совокупность или цепочка использования адресантом определенных лингвистических средств для целенаправленного управления восприятием действительности адресата. Как любая технология, используемая в других сферах общественной практики, технология манипуляции воспроизводима. Это значит, что соответствующая конечная цепочка операций повторяется до тех пор, пока не достигается планируемая цель.

Для определения процедуры описания манипуляционной технологии мы обратились к концепции А. М. Каплуненко. А. М. Каплуненко предлагает описывать лингвистическую технологию манипуляции в контексте универсальной схемы эволюции человеческого познания. Согласно данной концепции эволюция познания проходит три этапа. На первом этапе концепту соответствует дискурс различий. Концепт обладает общим, универсальным содержанием и весьма неопределенным объемом [2, с. 5]. Интерпретация концепта всегда ограничена индивидуальным сознанием и исходит из субъективного опыта интерпретатора, поэтому дискурс различий представляет собой многочисленные индивидуальные интерпретации и зачастую противоположные точки зрения одного и того же явления действительности.

Дискурс различий порождает необходимость дискурса согласования. Дискурс согласования представляет собой подлинный диалог, характерный для межличностного общения. В процессе дискурса согласования происходит уточнение содержания концепта и ограничение его объема. Результатом дискурса согласования является понятие, которое имеет точное содержание и более ограниченный объем, чем концепт [2, с. 6].

На третьем этапе познания согласованное понятие (имеющее определенный объем и четкое содержание) закрепляется в термине. Термин обладает плотным содержанием и весьма ограниченным объемом, иначе говоря, преимущественной однозначностью. «В этом виде он уже не опознается в дискурсе различий и фактически утрачивает связь с концептом» [2, с. 7]. Термин соответствует дискурсу экспертного сообщества,

принадлежит определенной закрытой субкультуре, «носители которой вырабатывают правила поведения термина как знака, то есть во всей полноте его прагматики, семантики и синтактики» [2, с. 7].

Когда участники общения стремятся достичь взаимопонимания, экспертное дискурсивное сообщество старается найти путь к преодолению различий [2, с. 7]. Однако если целью дискурса экспертного сообщества является не диалог, а технологическая власть, то взаимодействие безоговорочно приносится в жертву одностороннему воздействию.

В качестве примера рассмотрим следующий отрывок выступления президента США Джорджа Буша-младшего, посвященного будущему иммиграционной политики США:

America has always been a compassionate nation that values the newcomer and takes great pride in our immigrant heritage; yet we're also a nation built on the rule of law, and those who enter the country illegally violate the law. The American people should not have to choose between a welcoming society and a lawful society. We can have both at the same time. And to keep the promise of America, we will enforce the laws of our country [13].

Дискурс различий задается множественной интерпретантой политически корректного знака *newcomer* (*someone who has only recently arrived somewhere or only recently started a particular activity* [10]; *a person who has recently arrived; new arrival* [15]), который используется вместо неприемлемого с точки зрения политкорректности *foreigner* (*a person not native to or naturalized in the country or jurisdiction under consideration; alien* [15]).

Политически корректный знак *newcomer* в отличие от традиционного *foreigner* предрасположен к множественной интерпретанте и допускает несколько направлений интерпретации: «иностранец, являющийся гражданином другой страны», «иммигрант, приехавший на постоянное место жительства», «новичок, вступивший в какое-либо сообщество, объединенное общностью целей и интересов, организованное до него, например, клуб, партия, предприятие и так далее». При этом в дискурсе различий возможны и одна, и другая крайние варианты интерпретанты, поскольку у разных интерпретаторов, представителей дискурса различий, в силу разного опыта, интерпретации одного и того же явления часто расходятся.

Для того чтобы согласовать интерпретации, необходим дискурс согласования, необходимо прийти к общему понятию путем сокращения объема интерпретанты. Однако далее, благодаря использованию представителем дискурса экспертного сообщества семантических противопоставлений, происходит не сокращение, а, напротив, увеличение пространства интерпретанты.

Во-первых, в данном контексте интерпретанта *the newcomer* семантически противопоставлена интерпретанте, которую вводит знак *immigrant heritage*. В самом деле, согласно словарной дефиниции *the*

newcomer отсылает к понятию неопытного, неискушенного, стоящего перед неизвестностью объекта. Номинация *heritage*, напротив, утверждает наличие традиций, опыта, богатства, доставшегося от предыдущих поколений (1. *things such as works of art, cultural achievements and folklore that have been passed on from earlier generations: our literary heritage*; 2) (*dated or fml.*) *property that has been or may be inherited by an heir* [12]; *the traditional beliefs, values, customs, etc. of a family, country, or society* [10]).

Параллельно с семантическим противопоставлением *newcomer* и *heritage* используется дескрипция *those who enter the country illegally*. Согласно Р. М. Хэару и А. Н. Баранову, дескриптивные оценки обладают наименьшей семантической определенностью и способны давать косвенную характеристику объекта [1; 7]. Наличие такой дескрипции усиливает пространство интерпретанты, которую вводят *newcomer* и *heritage*, поскольку появляется третий вариант интерпретанты, а именно интерпретанта «нелегальные иммигранты».

Наконец, обращает на себя внимание еще одно семантическое противопоставление – *to keep the promise of America* и *enforce the laws of our country*, в рамках которого также наличествует множественная интерпретанта.

Как известно, *promise of America* – это личная свобода – *individual freedom (freedom – the right to do what you want without being controlled or restricted by the government, police etc.* [10]). Дефиниция *enforce* имеет следующее содержание:

1) *to make people to obey a rule or law, especially by punishing those who do not obey it*;

2) *to make something such as a feeling or a particular type of behavior happen, especially by threats or force* [10].

Итак, интерпретанта *enforce the laws of our country*, осуществлять верховенство закона силой власти, семантически противоположна интерпретанте личная свобода. Благодаря этому противопоставлению, интерпретанта *newcomer* приобретает дополнительные варианты. С одной стороны, объект, именуемый *newcomer*, имеет полную свободу переезда в США. Это его личная свобода. С другой стороны, такая свобода нарушает закон страны.

В следующем фрагменте дискурса происходит последующее расширение диапазона интерпретанты:

As a former governor, I know that enforcing the law and the border is especially important to the communities along the border. Illegal immigration puts pressure on our schools and hospitals – I understand that. I understand it strains the resources needed for law enforcement and emergency services. And the vicious human strugglers – smugglers and gangs that bring illegal immigrants across the border also bring crime to our neighborhoods and danger to the highways. Illegal immigration is a serious challenge. And our responsibility is clear: We are going to protect the border [13].

Для определения характера действий нелегальных иммигрантов по отношению к школам и больницам США политический субъект выбирает номинацию *put pressure on (to try to force (someone to do something) by arguments, threats, etc.: the unions have been putting pressure on the government to reduce its limits on wage increases* [11]). Очевидно, что номинация *put pressure on* семантически противоположна интерпретанте, которую вводят знаки *illegal immigration/ illegal immigrants*.

Как явствует из анализа словарной дефиниции значение данной номинации близко к терминологическому политическому. Неслучайно, в английском языке существует такая номинация, как *pressure group*, также обладающая явно политически ориентированным значением:

– *a group or organization that tries to influence the opinions of ordinary people and persuade the government to do something* [10];

– *any group that exerts pressure on legislators any public opinion to advance or protect its interests* [9];

– (*in politics, business, etc.*) *organized group who try to influence policy, esp. by intensive propaganda and campaigning; lobby* [12].

Номинация *put pressure on*, используемая для именованья действий нелегальных иммигрантов, вводит в контекст восприятия интерпретанту «влиятельная, инициативная группа, способная оказывать определенное воздействие на политику». Такая интерпретанта резко противоположна интерпретанте знака *illegal immigrants*, поскольку нелегальные иммигранты не могут обладать какой-либо политической силой уже потому, что они вне закона (*illegal – not legal; contrary or existing statutes, regulations, etc.; unauthorized* [15]). Однако номинация *put pressure on*, использованная по отношению к *illegal immigrants*, навязывает именно такой вариант.

Таким образом, использование номинации *put pressure on* помогает придать проблеме (нелегальная иммиграция) более серьезный характер, перенести ее из социальной плоскости в политическую плоскость: нелегальные иммигранты доставляют неприятности не только на бытовом уровне в школах и больницах, но угрожают политике и экономике США, поскольку представляют серьезную политическую организацию, преследующую свои собственные цели.

Далее, снова вводится семантическое противопоставление. Интерпретанта знака *pressure group* противопоставляется интерпретанте, которую вводят знаки *human strugglers, smugglers – someone who takes something illegally from one country to another: a drug smuggler* [10], *gang – a group of criminals who work together* [10], *crime – an act or the commission of an act that is forbidden by law* [14]. Эти номинации отсылают к понятию преступления, правонарушения и вводят в контекст восприятия интерпретанту «преступник, представляющий опасность для общества».

Рассмотрим следующий фрагмент дискурса, в котором снова происходит расширение границ интерпретанты:

To prevent them from trying to cross again, we've launched an interesting program, an innovative approach called interior repatriation. Under this program, many Mexicans caught at the border illegally are flown back to Mexico and then bused to their home towns in the interior part of the country. By returning these illegal immigrants to their home towns far from the border, we make it more difficult for them to attempt to cross again. Interior repatriation is showing promise in breaking the cycle of illegal immigration [13].

Для именованя программы по депортации нелегалов на родину политический субъект использует словосочетание *interior repatriation*, интерпретанта которого семантически противопоставлена интерпретанте знаков *illegal immigrants/illegal immigration*.

Дефиниционный анализ свидетельствует о том, что изначально номинация *repatriation* употреблялась по отношению к военнопленным, которых возвращали на родину: *repatriation* является производным от глагола *repatriate* со следующим значением:

– to bring or send back (a person, esp. a prisoner of war, a refugee, etc.) to his country or the land of his citizenship [15];

– to return to the country of one's birth or citizenship: *repatriate war refugees* [9].

В анализируемом примере *repatriation* употребляется по отношению к нелегальным эмигрантам, которые, как правило, не желают возвращаться в свою страну. Депортация нелегальных иммигрантов происходит принудительно, в отличие от возвращения на родину военнопленных, которые, как правило, хотят вернуться домой.

Называя программу депортации нелегальных иммигрантов «*interior repatriation*», политический субъект ставит в один семантический ряд нелегальных иммигрантов и военнопленных, вследствие чего ин-

терпретанта знака *illegal immigrants* приобретает равноправный статус с интерпретантой «военнопленные». В контексте такой интерпретации действия правительства США по отношению к нелегальным иммигрантам следует интерпретировать как не насильственные: депортация нелегальных иммигрантов на родину происходит в соответствии с желанием самих нелегальных иммигрантов. Более того, употребляя номинацию *interior repatriation* по отношению к нелегальным эмигрантам, политический субъект снимает с себя ответственность за насильственные действия над ними. Действия правительства США по отношению к нелегальным иммигрантам характеризуются как гуманные.

Итак, используя семантические противопоставления, способствующие расширению пространства интерпретанты, манипулятор, по сути, снова и снова возвращается в дискурс различий, так и не достигая дискурса согласования. Происходит симуляция дискурса согласования, которая превращает его в дискурс манипуляционный. В результате манипулируемый оказывается полностью лишенным выбора единственного варианта интерпретанты, поскольку из всего множества различных вариантов не выделяется какой-либо доминирующей интерпретанты.

Однако в действительности создается лишь видимость сохранения различий, поскольку манипулятор все же проводит свою собственную линию, а именно линию активной борьбы с нелегальной иммиграцией. В этом и заключается весь смысл манипуляции: в результате использования манипулятором номинаций, чреватых множественной интерпретантой, каждый из носителей дискурса различий не чувствует посягательства на его убеждения. Это, в свою очередь, создает благоприятные условия для осуществления манипуляции, поскольку позволяет манипулятору, не обостряя социальных противоречий, успешно провести свою установку.

Литература

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. М., 1989. № 3. С. 74 – 90.
2. Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках. Аргументация vs. манипуляция // Вестник ИГЛУ. (Серия: Коммуникативистика и коммуникациология). Иркутск, 2007. № 5.
3. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003 – 2004 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2005. 152 с.
4. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на мат. газет США): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 197 с.
5. Плотникова С. Н. Стратегичность и технологичность дискурса // Лингвистика дискурса-2: Вестник ИГЛУ. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). Иркутск, 2006.
6. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2003. 651 с.
7. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 183 – 195.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. М., 2007. 256 с.
9. The American Heritage Dictionary of The English Language / Ed. by W. Morris. Boston, 1978. 1150 p.
10. Longman Advanced American Dictionary / Ed. By A. Gadsby. Harlow, 2000. 1746 p.
11. Longman Dictionary of Phrasal Verbs / Ed. by R. Courtney. Harlow, 1986. 734 p.

12. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. P. Cowie. Oxford, 1992. 1081p.
13. President Bush Delivers Remarks on Border Security and Immigration Reform. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2005/11/28/AR2005112801223.html> (дата обращения: 20.10.2014).
14. Webster's Dictionary. Запорожье, 1993. 336 с.
15. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language / Ed. by J. Stein. New York, 1989. 1854 p.

Информация об авторе:

Дьяченко Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, dialex09@mail.ru.

Irina A. Dyachenko – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and Teaching Methodology, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 30.10.2014 г.